

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ТАЙНА КАРАМЗИНА: ОПЫТ ФИЛОСОФИИ ТВОРЧЕСТВА

О.А. ЖУКОВА

1. Карамзин глазами исследователей

В истории российской культуры Николаю Михайловичу Карамзину принадлежит выдающаяся и мало с кем сравнимая роль. Значение Карамзина в отечественной культуре со временем будет только возрастать. И как бы ни были велики творения художников, слова Пушкина, Гоголя, Толстого, Достоевского, Чехова, научные заслуги историков Грановского, Соловьева и Ключевского, историософские построения Хомякова, Соловьева, Струве и Федотова для нашей культуры – прославленных авторов русской словесности, истории и философии – все они – наследники таланта Карамзина, его культурного гения. Перефразируя крылатое высказывание Чайковского о Глинке как о родоначальнике русской симфонической школы¹, можно уверенно утверждать, что отечественная литература, историческая наука и философия истории обнаруживают себя в творческом опыте Карамзина, подобно тому *«как весь дуб в желеде»*. Из творений Карамзина, из проделанной им культурной работы по созиданию интеллектуального мира русской культуры произрастает русская словесность и философско-историческая мысль.

Интерпретация наследия Карамзина оказалась несвободна от идеологических веяний времени и от сменявших друг друга новых стилистических и эстетических течений. Главенствующую в русской и европейской художественной литературе эпохи Просвещения эстетику сентиментализма сменили романтизм и реализм, и реформатор русского языка, создавший поэтику современной русской литературы, издатель первого отечественного «толстого» литературного журнала, постепенно вышел из моды. Отношение к главному историческому труду Карамзина даже среди современников не было единым. Восторженность русского общества, читавшего «Бедную Лизу», а затем открывавшего историю своего отечества по «Истории государства Российского», наталкивалась на скептицизм доморощенных фрондирующих «якобинцев», видевших в Карамзине апологета русской монархической государственности. Для представителей русской исторической школы, начавших академическую карьеру во второй половине XIX в., художественность изложения мешала оценить научную составляющую карамзинского труда. Подлинный исследовательский интерес в отношении творческого наследия Карамзина возрастает на рубеже XIX–начала XX вв. Появляются работы, которые обозначают новые направления в изучении творческого феномена Карамзина, его мироощущения как писателя и мыслителя, используемого им художественного метода и стилистических приемов.

Ведущая роль здесь принадлежит известному литературоведу, автору учебников по русской литературе, В.В. Сиповскому. В 1899 г. он защитил магистерскую диссертацию на тему «Н.М. Карамзин, автор «Писем русского путешественника»»². Сиповский проделал большую источниковедческую и текстологическую работу, выявляя и устанавливая литературные взаимовлияния в творческой биографии Карамзина. В изучении знакового для русской литературы текста ему удалось приблизиться к пониманию творческой лаборатории Карамзина. Главный вывод Сиповского — «Письма русского путешественника» не являются дорожными посланиями, а представляют собой более сложное по жанру, литературно обработанное сочинение, в основе которого, возможно, лежит первоначальный дорожный дневник. Позже, уже в советский период, с этой точкой зрения будет полемизировать Ю.М. Лотман.

Другой ракурс рассмотрения творчества Карамзина был предложен молодым литературоведом Б.М. Эйхенбаумом, который в 1916 г. опубликовал первую по-настоящему философскую работу о Карамзине. Его статья, содержащая интересные и верные наблюдения, ставит вопрос о Карамзине как философе, представляя собой опыт истолкования философского мировоззрения русского писателя и историка, источником творчества которого Эйхенбаум предлагает видеть философскую интуицию познания мира в единстве мысли и эстетически окрашенного чувства. «Слово Карамзина не стремится дать образ вещи — оно направлено к каким-то иным областям нашего воображения или, здесь лучше сказать, нашей фантазии. Эта поэтика неразрывно связана у Карамзина с общефилософскими его суждениями, — пишет Эйхенбаум. — Рассудок и воображение восходят к одному источнику — к интуиции бытия, от которой идут нити в разные стороны. Мы слишком мало обращали до сих пор внимания на то, что Карамзин был не только художником, но и мыслителем и, можно сказать, первым нашим философом», — замечает исследователь в важной для понимания творчества Карамзина статье³. Тезисы Эйхенбаума и сегодня для историков отечественной мысли представляют интерес. Их значение состоит в обращении к проблеме интеллектуального контекста эпохи Карамзина, круга идей и ценностей, составляющих тезаурус культуры его времени, — к теме внутренней взаимообусловленности этико-эстетических идеалов европейского и русского Просвещения.

Особо стоит отметить советский период карамзиноведения. В жестких идеологически выверенных рамках, задававших идейный пафос художественной литературы и гуманитарной науки, философский взгляд на фигуру Карамзина был мало востребован, поскольку сразу возникал вопрос о политических взглядах автора «Истории». «Консерватора» и «идеалиста» Карамзина в советской системе координат необходимо было «реабилитировать». Этой темой на протяжении всей своей жизни в науке занимался теоретик литературы и историк культуры Ю.М. Лот-

ман. Лотман, отмечает Б.Ф. Егоров, «стоит у истоков современного карамзиноведения, он первооткрыватель “настоящего” Карамзина, точнее, он реабилитировал выдающегося русского писателя»⁴.

Постоянно возвращаясь в научных работах к творчеству Карамзина, Лотман обобщил многолетние изыскания в книге «Сотворение Карамзина», предприняв выдающуюся в своем роде попытку создания интеллектуальной биографии писателя, которая отнюдь не равна собственно жанру литературной или научной биографии. Документальную недостаточность биографического материала исследователь компенсировал, прибегнув к методу реконструкции. Данный метод позволял ему воссоздать творческий облик Карамзина, адресуясь к биографической канве и авторским произведениям как *к событиям личности*, составляющим целостный текст культуры. Извлечение сокрытого смысла из событий творчества Лотман назвал «сотворением Карамзина». Лотмановское прочтение Карамзина, как оно было представлено на суд современного читателя, претендовало на новое открытие известной, но *не понятой* фигуры. Лотман стремился показать творчество Карамзина как одно из центральных событий интеллектуальной и духовной истории России, где создатель «Истории государства Российского» предстает *творением самого себя*, или произведением культуры. Не случайно эпиграфом для этой важнейшей работы Лотмана послужил пассаж о Карамзине из Чаадаева, давшего прозорливую оценку творческому прецеденту Карамзина, его опыту самосотворения личности в культуре: «Чего стоит у нас человеку, родившемуся с великими способностями, сотворить себя хорошим писателем»⁵.

Как представляется, не только научная цель продемонстрировать теоретически разрабатываемую Лотманом методологию текстологического, семиотического и культурно-исторического анализа, а также признаваемое автором «Сотворения» отсутствие документальных источников, в достаточной мере отвечающих задаче написания книги в жанре «жизнь и творчество Карамзина», побудили интеллектуально честного ученого прибегнуть к такой художественно-философской форме труда, обозначенной как «роман-реконструкция». Выскажем предположение, что Лотман прежде всего стремился найти наиболее адекватный и методологически продуктивный ход в описании творческой личности Карамзина, уже для современников представлявшей интеллектуальную загадку. Таковой загадкой Карамзин остается и для нынешних читателей и исследователей первого русского сентименталиста и историографа. Данную задачу Лотман попытался решить посредством смысловой реконструкции творческого опыта Карамзина, рассматривая его путь в культуре как *целостное явление*.

Можно говорить, что «Сотворение Карамзина» — это оригинальный и успешный опыт прочтения творчества великого русского классика, соединяющий в себе элементы историко-культурного и

литературно-философского анализа, который и сегодня во многом остается фундаментом отечественного карамзиноведения. Однако в текстологическом и культурфилософском горизонте Лотмана-исследователя сокровенное горчичное зерно, из которого прорастает древо творчества Карамзина, если и обнаружено, то далеко еще не извлечено из толщи культурного материала. В этом смысле ход, предложенный Б.М. Эйхенбаумом, оказывается в чем-то более точным и дискурсивно проработанным.

Действительно, работа, сделанная Лотманом, достаточно хорошо настраивает культурно-историческую оптику, приближая нас, по замыслу автора книги, к подлинному Карамзину. Но исследовательская перспектива, которую предлагает Лотман, оставляет пространство для новых толкований и не дает универсального ключа к постижению творчества Карамзина. Между фактом биографии и артефактом культурной истории возникает зазор предположений и догадок, за которыми Лотман нередко увлеченно следует, уже не изучая, а создавая свой, лотмановский, *литературный и культурфилософский миф о Карамзине*. Смещение строгой научной логики и литературной фабулы биографического романа составляет интеллектуальную интригу книги. Обосновывая свою работу как работу реконструктора, исследователь сравнивает себя с «кропотливым расшифровщиком»⁶. Ища и сопоставляя, реконструктор стремится воссоздать тот целостный идеал личности, «который создавал в своей душе герой биографии»⁷. Ставя задачу обнаружить план, по которому герой строил себя, реконструктор избегает домыслов, а вымысел допускает только на основе научно истолкованного документа. Он занимается археологией культуры, восстанавливая «с максимально доступной полнотой ее ушедшие и растворившиеся в небытии звенья»⁸. Пафос исследования Лотмана, по сути, заключается в утверждении, что «участь одного деятеля культуры равна по значению судьбам всей культуры в целом»⁹.

С этим тезисом выдающего литературоведа и культуролога можно согласиться. Культурологический подход, исповедуемый автором книги «Сотворение Карамзина», выступает как универсальный метод изучения историко-культурных феноменов, в том числе такого сложного, как феномен творчества выдающегося автора-творца русской культуры. В исследовательской программе Лотмана он дает возможность прослеживать внутренние связи между сменяющимися или отстоящими друг от друга культурными эпохами, усматривая сходство и различие форм художественного и философского опыта в европейской и русской культуре на примере творчества Карамзина.

Общее направление, заданное работами Лотмана, реконструированный им образ Карамзина, не отменяет дальнейших опытов по «разгадыванию» тайны карамзинского творчества. Мы предлагаем в исследовании творческого наследия Карамзина «заглубить» угол зрения для

того, чтобы от воссоздания идеала личности методом культурной археологии продвинуться не только в область понимания культурно-исторического контекста, но и в сам «текст» и «подтекст» интеллектуальной биографии Карамзина — в область сокрытой пружины его творчества, *глубинных его интуиций*, целей и мотивов. Разумеется, что в рамках данной статьи мы можем только обозначить направление и предметную область исследований. В нашем случае исследовательская оптика смещается *от реконструкции к реинтерпретации творческого опыта*. Здесь уместно было бы говорить о герменевтическом подходе, имея в виду один из существенных принципов герменевтики: чтение текста с позиции его современников и наследников. Автор статьи разделяет точку зрения Х.Г. Гадамера, согласно которой данный способ понимания и толкования не только не означает забвение своего собственного места в истории, но, наоборот, предполагает необходимость мыслить собственную позицию в ее историко-культурной специфичности. Здесь герменевтический подход используется не только по своему прямому назначению — при интерпретации конкретных произведений, но и при анализе творческого пути. Представляется возможным, на наш взгляд, в истории культуры России рассматривать биографию Карамзина как приобретающую смысл духовного пути — *жизни как произведения*, оцениваемого в присутствии высшего идеала творчества.

Философско-культурологический и герменевтический подходы необходимым образом должны быть дополнены философско-историческим. Он акцентирует момент индивидуальности и неповторимости культурного творчества человека, его специфические черты в истории — *способ бытия* в культуре. Такой подход, на наш взгляд, позволит при исследовании творений Карамзина оценивать эти произведения по их значению в интеллектуальном опыте личности и эпохи, характеризуя, тем самым, духовно-культурное содержание творчества, его событийный и ценностно-смысловой статус в культуре.

Чтобы обнаружить глубинную интуицию, или энергию творчества, в историческом теле культуры, нужно избрать определенный угол зрения, выстроить оптический прицел и вооружиться правильным инструментарием, способным в материи текстов культуры видеть события мысли и духа, а поступки и произведения рассматривать как их идейные и образные проекции на ткань социальной жизни. Сформулируем задачу поиска творческой «тайны Карамзина» с помощью вопроса: что подвигло успешного художника слова, чей литературный талант был признан и востребован современным читателем, принять на себя миссию главного историка России? Лотман пишет о двух путешественниках, один из которых садится в карету, другой, или его тень «слабо мелькает где-то в глубинах сознания Карамзина»¹⁰. Это два человека с одним именем — молодой дворянин Николай Михайлович Карамзин, и его тайный спутник, герой, который «будет литературным путешественником»¹¹.

Подобно двум Карамзиным, которых мы обнаруживаем в реальном и вымышленном путешествии важнейшего произведения русской литературы, в истории культуры мы также знаем двух Карамзиных. Один из них – ученик Шадена, некогда близкий кругу Новикова молодой автор «Писем», другой – взятый на особую царскую службу Историк империи. Что их объединяет в одну *историю творчества*, как можно объяснить духовную эволюцию Карамзина? Другими словами, как можно определить эстетическую, этическую, культурную, политическую сверхзадачу творчества, которой следовал Карамзин, когда, по меткому выражению Вяземского, «постригся в историографы»?

Справедливо говорить, что Карамзин – одна из наиболее *герметичных* и творчески «прикровенных» фигур русской культуры. Вследствие внутренней закрытости, являющейся устойчивым психологическим свойством личности, творческая эволюция Карамзина, как и конечные мотивы и цели творческой деятельности, трудно «расшифровываются», и для исследователей они находятся, скорее, в области интуитивных догадок и/или гипотез, доказательство которых необходимо предоставить. Напрашивается ответ в рамках традиции культурной герменевтики – разгадку творчества стоит искать в духе эпохи.

2. Личность в русской истории: творческий ответ Карамзина

Утверждающаяся в послепетровской России светская культура на уровне доминирующего типа духовного самосознания и интеллектуальных практик утрачивает традиционный для русской культуры тип творческого мироощущения, связанный со смысловой взаимообусловленностью религии и искусства, религии и социального порядка. Происходит разделение единого религиозного и художественного универсума культуры. Литература и искусство как предметная область творческой активности человека приобретают самостоятельное значение вне связи с культовым бытием. Однако в автономном типе творчества, заданном западноевропейской традицией со сложившейся системой способов опосредствования реальности, религиозная интенция творчества получает свое развитие в обращении к национальной традиции как *целостному образу своей истории*, в преемственности ее этических и эстетических ценностей и идеалов. Передача смысла осуществляется на уровне культурной памяти, обеспечивающей преемственность творческого опыта. Религиозное искусство и литература не исчезают из творческих заданий русских мастеров и авторов, но в общем контексте развития культуры, создателями которой являются пенсионеры и ученики светских академий и школ, религиозное мирозерцание не имеет определяющего значения.

Аристократическая дворянская культура вырабатывает этическую систему ценностей, для которой христианское учение становится, в большей степени, нормативной базой общественных отношений, но не

живым духовным творчеством. Религиозная идея спасения оказывается проблемой нравственного самосознания личности, но не целью самой культуры, границы которой определяются событиями социальной истории. Характерно, что в этом процессе, как и в период христианизации Руси, на первый план выдвигается *традиция письменного слова*, призванного приобщать к новой культуре, и архитектура, создающая зримый образ европейского мира, его социальную и эстетическую архитеконику. Тем самым задается художественно-эстетический курс христианского универсализма по версии европейского модерна, и русское культурное пространство вписывается в пространство европейской цивилизации. Пенсионеры Императорской Академии Художеств воссоздают узнаваемый европейский мир, осваивая практики изобразительного искусства. Но все же ведущим фактором в формировании культурного самосознания человека послепетровской эпохи становится литература, транслирующая миф о новом универсализме русского мира, исторически фундированный *мифом об империи*¹².

Художественное самосознание Карамзина во многом формируется под влиянием эстетической доктрины классицизма и художественной идеологии Просвещения, получая наиболее полное выражение в идейно-стилистическом комплексе сентиментализма. Универсум русской культуры, создаваемый Карамзиным, есть реальность человеческого разума и чувства, ума и сердца, его волений. Жизнь получает оправдание в активности познающего разума или изъявлении сердечного чувства. Центр духовных устремлений – правда о человеке – *слово о личности*, взятой в социально-историческом аспекте ее существования. Таким опытом, на наш взгляд, представляется творчество Н.М. Карамзина, идущего по стопам универсалиста и просветителя М.В. Ломоносова. Сходство их культурной задачи заключается в утверждении, что Россия как европейское государство занимает важнейшее место в истории, а проект модернизации Петра I рассматривается как необходимый путь универсализации русско-европейского культурного пространства, основанием которого выступают интеллектуальные практики и духовные традиции христианской цивилизации.

Эту идейно-смысловую линию в творчестве Карамзина проследивает исследователь интеллектуальной истории России периода наполеоновских войн А. Мартин. Для него творчество Карамзина является наиболее полным и ярким воплощением просветительского проекта Екатерины Великой. Отмечая, что Карамзин – самый популярный писатель того периода и автор, которого широко переводили на Западе, Мартин пишет: «Карамзин разделял надежды Екатерины, возлагавшиеся на имперский социальный проект и на преобразование Москвы в просвещенный мегаполис. Подобно Екатерине, он хотел, чтобы Россия стала просвещенной европейской страной»¹³. Как считает исследователь, просветительские усилия Карамзин связал с созданием нацио-

нальной литературы: «...для достижения этой цели России требовалась национальная литература, а это, в свою очередь, предполагало наличие подходящего литературного языка и европеизированной читающей публики, обладающей сильно развитым русским национальным чувством»¹⁴. Мартин подчеркивает, что «этот проект служил основой, объединяющей всевозможные культурные начинания Карамзина. Задавая пример своими произведениями, он в одиночку реформировал русский литературный язык. Его “Письма русского путешественника” впервые познакомили многих читателей с городской жизнью на Западе. Сентименталистская проза и журналистика Карамзина, особенно повесть “Бедная Лиза”, стали прорывом на пути к созданию литературного образа Москвы»¹⁵. «Наконец, написанная Карамзиным “История государства Российского” (1818–1824) изменила представление русских читателей о прошлом их страны», – резюмирует автор, характеризуя вклад Карамзина в созидание национальной культуры¹⁶.

Интерпретация Карамзина в логике просветительских начинаний русского образованного класса, формирующегося при Екатерине II, продолжающей дело великого европеизатора России Петра, не является чем-то принципиально новым¹⁷. Она вписывается в круг исследований, трактующих идейный пафос Карамзина с его требованием просвещения, а не конституционных реформ как отличительную черту русского консерватизма. Карамзин сентименталист, просветитель и консерватор – таков традиционный интеллектуальный портрет русского писателя, историка и журналиста, который согласно выписывают русские и зарубежные исследователи. В данном контексте важно отметить, что на этом фоне появляются новые работы, убедительно показывающие либеральную составляющую воззрений Карамзина¹⁸.

И все же стоит разобраться с историко-философскими и культурологическими дефинициями, привычно толкующими творчество Карамзина в парадигме западноевропейской эстетики Просвещения и политического консерватизма. Такой подход правомочен, но не выявляет в полной мере *ситуацию, созданную Карамзиным в культуре*. Уникальность творческого прецедента Карамзина заключается в том, что литератор стал идейным и нравственным лидером русского общества. Философичность ума, дар художественного слова и высота морального сознания как стержневые качества личности Карамзина синтетическим образом проявились в наивысшей точке творческого развития. Это стало очевидным в 1818 г., после выхода первых восьми томов «Истории государства Российского».

Настоящее событие, по словам В.А. Жуковского, составило *эпоху* в национальной культуре, совершило прорыв в общественном сознании русского общества. В письме к И.И. Дмитриеву от 18 февраля 1816 г. Жуковский сообщает: «У нас здесь праздник за праздником. Для меня же лучший из праздников: присутствие здесь нашего почтенного

Николая Михайловича <Карамзина>... Недавно провел у него самый приятный вечер. Он читал мне описание взятия Казани! Какое совершенство! И какая эпоха для русского – появление этой Истории! Такое сокровище для языка, для поэзии, не говоря уже о той деятельности, которая должна будет родиться в умах. Эту Историю можно назвать воскресителем прошедших веков бытия нашего народа...», – прозорливо заключает Жуковский¹⁹.

Восторженный отклик Жуковского весьма симптоматичен. Он свидетельствует о том, что русское общество ощутило запрос на познание своей собственной истории, тем самым, через Карамзина, оно встало на трудный путь исторического самопознания, понимая себя исторической и культурной нацией. То, что отсутствовало в общественном сознании до Карамзина – *согласие* по поводу исторического предания, культурной памяти народа, объединяющего и примиряющего нацию в понимании прошлого, – стало насущной и актуальной темой социальной и интеллектуальной жизни. Карамзин, обращаясь к истории, наполнял смыслами настоящее, открывая горизонты будущего для созидания российского государства и национальной культуры.

Карамзин, бесспорно, продолжил историческую линию самообоснования культурного предания вслед за Ломоносовым, понимая, что русская история – часть истории всемирной и сопоставима по масштабу исторических фигур: «У нас был свой Карл Великий: Владимир – свой Лудовик XI: царь Иоанн – свой Кромвель: Годунов – и еще такой государь, которому нигде не было подобных: Петр Великий. Время их правления составляет важнейшие эпохи в нашей истории и даже в истории человечества...»²⁰ Подобно своему великому предшественнику, основателю русского Университета, главную цель истории Карамзин видит в воспитании нравственного чувства, формирующего гражданский облик человека. Он приходит к мысли, что путь самосовершенствования открывается человеку в опыте приобщения к истории. На самом деле писатель и философ занимает позицию, которая была характерна и для древнерусской культуры, строящейся как опыт научения веры Словом, развернутым в книжный текст. «Историк не Летописец», – подчеркивал Карамзин. Его цель – показать «свойство и связь деяний»²¹, а не фиксировать время. Однако подобно древнему летописцу, выступающему не только хронистом, но и моральным свидетелем времени, Карамзин возвысил голос историка до высочайших моральных высот: «Не боялся с важностью говорить о том, что уважалось предками; хотел, не изменяя своему веку, без гордости и насмешек описывать веки душевного младенчества, легковерия, баснословия; хотел представить характер времени и характер Летописцев: ибо одно казалось мне нужным для другого»²². Поэтому национальное предание, переданное потомкам Николаем Карамзиным, имеет живую связь с русским летописанием, донося не только букву, но и дух его. При этом

эффект литературной проповеди, произносимой автором, скрывается в прямой эмоционально окрашенной речи его героев, содержащей, как правило, основную мысль произведения – моральное резюме, которое служит ключом к пониманию образа и, шире, всего произведения, как, например, речь Марфы Борецкой в «Марфе-Посаднице». Принцип изображения своих героев сквозь призму опыта истории, которая призвана служить для ума и сердца нравственным уроком, становится основным в творчестве Карамзина, глубоко воспринявшего идеи немецкого Просвещения и переосмыслившего драматические уроки Великой французской революции.

В видении Карамзина история предстает средоточием двух начал: опыта жизни человека и нравственного его чувства. Поскольку главное жизненное приобретение человека – мудрость – при кратковременности жизни имеет нужду в опытах, автор хочет раскрыть перед читателем историю – «священную книгу народов»²³ – для внимательного изучения, вчувствования, сопереживания и воспитания, предзадав ее как сложившуюся целостность традиции, адресованную для восприятия новому «понимающему» сознанию. Так, его целью оказывается просвещение сердца и разума русского человека, что, по мысли историка, должно пробудить в нем чувство гражданина, в согласии с просветительской установкой самого автора, и привить идеалы общественной справедливости и разумно устроенного общества, объединяя высоко-моральных его членов.

Интересна с этой точки зрения оценка творчества Карамзина, данная А.С. Пушкиным. Поэт называет его литературно-исторический опыт «подвигом честного человека», заложившим основы исторического самосознания народа²⁴. Тем самым первый по значению русский поэт подчеркивает этический смысл историософских посланий автора «Истории Государства Российского» в обращении к своей традиции как своему-другому в *перспективе строительства национальной культуры, сохраняющей преемственность с древнерусским типом духовности*. Без «Истории» Карамзина не было бы «Бориса Годунова» с центральным образом Пимена-летописца, воплощающего совесть народа, его идеал правды и упования на Божию справедливость и милость, живущие в русской душе. Не случайно литературные и исторические изыскания Карамзина охарактеризованы Пушкиным как нравственный подвиг личности, писательским трудом строящей национальную культуру, ее новую целостность, с опорой на духовный опыт прошлого.

Эта функция литературы как формы духовно-нравственного исторического предания, компенсирующая религиозную проповедь, произносимую с амвона, прежде составлявшую общенародный моральный ориентир, будет доминировать в культурном самосознании эпохи великой русской классики. Карамзин придал художественному слову новый духовно-моральный смысл, показав, что оно имеет ценность,

если служит исторической истине и нравственному идеалу правды, неся печать *личной ответственности* человека. Именно это качество Карамзина, определяющее его жизненную позицию и *этос творчества*, назовет Гоголь, говоря о том, что Карамзин, писатель, историк и мыслитель, предъявил своим опытом творчества новый модус существования в отечественной истории и культуре. Этот способ бытия в культуре — *по Карамзину* — задал высокую планку идеала творчества для русских интеллектуалов и художников слова. «Карамзин первый показал, что писатель может быть у нас независим и почетен всеми равно, как именитейший гражданин в государстве ... Никто, кроме Карамзина, не говорил так смело и благородно, не скрывая никаких своих мнений и мыслей, хотя они и не соответствовали во всем тогдашнему правительству, и слышишь невольно, что он один имел на то право. Какой урок нашему брату писателю!», — восхищенно произносит Гоголь²⁶.

Нравственные категории дворянской культуры — «долг», «мужество», «ответственность», «служение», «честь», «гражданственность», «подвиг» в творчестве Карамзина приобретают вид *мирского благочестия*, и для русского образованного класса они становятся уже моральными и интеллектуальными образцами. Кристаллизуемые опытом личности, эти моральные детерминанты во многом определяют вектор судьбы Карамзина, стягивают в единое целое различные периоды его творческой активности и способы самопрезентации в культуре. Путь, проделанный Карамзиным, от любознательного и увлеченного идеями немецких и французских просветителей молодого интеллектуала к писателю-сентименталисту и журналисту, а далее — к историку и историографу России, рассматриваемый в подобном ключе, выглядит, на наш взгляд, более цельным и демонстрирующим внутреннюю логику развития. Морально-психологический профиль Карамзина, синтезировавшего интеллектуальные ценности европейского модерна и нравственные идеалы, опосредствованные религиозной традицией национальной культуры, — его опыт бытия в культуре — становится более отчетливым. Такой подход к пониманию творческой загадки Карамзина может составить самостоятельный исследовательский сюжет *переоткрытия*, или реинтерпретации интеллектуального наследия выдающегося писателя и мыслителя — архитектора и автора русской классической культуры, стоявшего в основании ее интеллектуальной традиции.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Чайковский П.И. Дневники. — М.: Наш дом — L'Age d'Homme; Екатеринбург: У-Фактория, 2000. С. 203.

² Сиповский В.В. Н.М. Карамзин, автор «Писем русского путешественника». — СПб.: Типография В. Демакова, 1899.

³ Эйхенбаум Б.М. Карамзин // Эйхенбаум Б.М. О прозе. Сб. ст. / сост., подгот. текста О. Эйхенбаум; вступ. ст. Г. Вялого. — Л.: Художественная литература, 1969. С. 204–205.

⁴ Лотман Ю.М. Карамзин. — СПб.: Искусство, 1997. С. 6.

⁵ Там же. С. 10.

- ⁶ Там же. С. 12.
⁷ Там же.
⁸ Там же.
⁹ Там же.
¹⁰ Там же. С. 26.
¹¹ Там же.
¹² См.: *Проскурина В.Ю.* Мифы империи: Литература и власть в эпоху Екатерины II. – М.: Новое литературное обозрение, 2006.
¹³ *Мартин А.* Просвещенный метрополис: Созидание имперской Москвы, 1762–1855. – М.: Новое литературное обозрение, 2015. С. 156.
¹⁴ Там же.
¹⁵ Там же.
¹⁶ Там же.
¹⁷ См.: *Pipes R.* Karamzin's Memoir on Ancient and Modern Russia: A Translation and Analysis. – N. Y., 1966. P. 133–134.
¹⁸ *Кара-Мурза А.А.* Карамзин, Шаден и Геллерт. К истокам либерально-консервативного дискурса Н.М. Карамзина // *Филология: научные исследования.* 2016. № 1 (21). С. 101–106.
¹⁹ *Погодин М.П.* Николай Михайлович Карамзин по его сочинениям, письмам и отзывам современников. В 2 ч. – СПб.: Типография А.И. Мамонтова, 1866. Ч. 2. С. 141.
²⁰ *Карамзин Н.М.* Письма русского путешественника / ред.: Ю.М. Лотман, Н.А. Марченко, Б.А. Успенский. – Ленинград: Наука, 1984. С. 253.
²¹ *Карамзин Н.М.* История государства Российского. В 6 кн. (в 12 авт. т.). / вступ. ст. В.Г. Перельмутера. Кн. 1 (т. I–II). – М.: Издательство Книжный сад, 1993. С. 25.
²² Там же. С. 24–25.
²³ Там же С. 18.
²⁴ А.С. Пушкин об искусстве. В 2 т. Т. 1. – М.: Искусство, 1990. С. 286–287.
²⁵ *Гоголь Н.В.* Выбранные места из переписки с друзьями // *Гоголь Н.В.* Собр. соч. В 8 т. Т. 7. – М.: Правда, 1984. С. 233.

REFERENCES

- Gogol N.V. Selected passages from correspondence with friends. In: Gogol N.V. Collected works. 8 Volumes. Moscow, Pravda, 1984. (in Russian).
- Karamzin N.M. History of the Russian State. 6 books (12 volumes, 2 volumes in one book). Introd. article by V.G. Perelmuter. Book 1 (V. I–II). Moscow, Knizhny sad Publ. [Books Garden Publ.], 1993. 368 p. (in Russian).
- Karamzin N.M. *Letters of a Russian Traveller.* Yu.M. Lotman, N.A. Marchenko, B.A. Uspensky (ed.). Leningrad, *Nauka* [Science], 1984. 720 p. (in Russian).
- Kara-Murza A.A. Karamzin, Schaden and Gellert. On the Sources of Nikolai Karamzin's Liberal Conservative Discourse. In: *Philology: Scientific Researches.* 2016. № 1(21), pp. 101-106 (in Russian).
- Lotman Yu.M. *Karamzin.* Saint Petersburg, *Iskusstvo* [Art], 1997. 832 p. (in Russian).
- Martin A. *Enlightened Metropolis: Constructing Imperial Moscow, 1762–1855.* *Novoe literaturnoe obozrenie* [New literature review], 2015. 448 p. (in Russian).
- Pogodin M.P. *Nikolai Mikhailovich Karamzin in his writings, letters and reviews of contemporaries. 2 parts.* Saint Petersburg, Printing House of A.I. Mamontov, 1866. Part 2 (in Russian).
- Proskurina V.Yu. *Myths of the Empire: Literature and power in the age of Catherine II.* Moscow, *Novoe literaturnoe obozrenie* [New literature review], 2006. 328 p. (in Russian).
- A.S. Pushkin about art.* 2 Volumes. Moscow, *Iskusstvo* [Art], 1990. Vol. 1 (in Russian).

Sipovsky V.V. *N.M. Karamzin, the author of «Letters of a Russian traveler»*. Saint Petersburg, Printing House of V. Demakov, 1899. 654 p. (in Russian).

Tchaikovsky P.I. *Diaries*. Moscow, Publishing house Nash Dom – L'Age d'Homme [Our home – L'Age d'Homme], Yekaterinburg, U-Faktoriya Publ., 2000. 304 p. (in Russian).

Eichenbaum B.M. Karamzin. In: *Eichenbaum B.M. About the Prose. Selected articles*. O. Eichenbaum (comp.); introd. article G. Vyaly. Leningrad, *Khudozhestvennaya literatura* [Belles-lettres], 1969, pp. 203–213 (in Russian).

Pipes R. *Karamzin's Memoir on Ancient and Modern Russia: A Translation and Analysis*. New York, 1966. 266 p. (in English).

Аннотация

Настоящая статья посвящена творчеству выдающегося русского писателя и историка Н.М. Карамзина. Один из лучших представителей русской интеллектуальной элиты, Карамзин являет собой подлинный образец русского европеиста, который воплощает в своем творчестве ценности европейского модерна, научную рациональность, духовное и эстетическое многообразие национальной культуры. «История государства Российского» Карамзина является интеллектуальным и нравственным подвигом русского мыслителя. «История» – первая русская историческая энциклопедия, которая написана как художественно-философское произведение. Национальный эпос, созданный Карамзиным, содержит глубокий моральный смысл. Свою задачу мы видим в реинтерпретации наследия русского мыслителя, в выявлении моральных и интеллектуальных истоков его творчества.

Ключевые слова: русская история, русская литература, национальная культура, культурный миф, историческая память, философия Просвещения, моральное сознание, сентиментализм, эстетический идеал, философия творчества.

Summary

The article is dedicated to the outstanding Russian writer and historian N.M. Karamzin. One of the best representatives of the Russian intellectual elite, Karamzin is a true example of a Russian European who embodies in his work the values of European modernity, scientific rationality, spiritual and aesthetic diversity of national culture. Karamzin's "History of the Russian State" is an intellectual and moral feat of the Russian thinker. "History" is the first Russian historical encyclopedia to be written as philosophical fiction. The national epic penned by Karamzin holds a deep moral meaning. We see our task in the re-interpreting of the Russian thinker's heritage, in identifying the moral and intellectual sources of his creativity.

Keywords: Russian history, Russian literature, national culture, historical memory, Enlightenment, moral consciousness, sentimentalism, aesthetic ideal, philosophy of creativity.